

Пашке по жизни не везло. Может, родился не под той звездой. А может, и под той, только не вовремя. Так или иначе – с первой секундой появления на свет тепла и ласки не почувствовал. Одновременно с его появлением душа матери не удержалась, оборвалась и унеслась вверх, к звездам. Что поделать – у каждого своя судьба в этом мире. Тот случай, когда радость и горе ходят рядом в обнимку.

Так создан человек – что имеет, того не ценит. Иной жизнь

проживёт рядом с любящей матерью, да так её и не заметит. Пашка свою видел только на тоненькой пожелтевшей фотографии да ещё в сказочных добрых снах, а её заботу и тепло чувствовал всегда. Весеннее солнышко голову пригреет, а кажется, это ладони мамы по волосам гладят. Были и радости, и горести, как у всех в этом мире. Вот чего не было, так это Дня рождения. Дата присутствовала, да только праздником не назвать. Одним словом – счастливое горе.

* * *

Первое время жил за тысячу километров от отца, у бабы Маши на Алтае. У неё после смерти единственной дочери роднее Пашки никого. Огород, коза-кормилица, летом зелень на грядках. Полосатые арбузы, пусть небольшие, но сахарные. Вишня у самого домика. За стареньким плетнем – речка Бия, завораживающая красотой и полноводностью. Пьянящий запах соснового бора. Ласковое солнышко. Что ещё надо малышу для счастливой жизни...

Отец молчун и однолюб. Работая лесником и живя на кордоне вдаль от райцентра, весёлостью не отличался. После нагрязнувшегося горя окончательно замкнулся и ушел в себя. Спасался только любимой работой, а обязанностей и забот не перечислить. С рассветом завтракал – и в обход участка до темноты. Только там, в тайге, отдыхал душой и забывал о горе. Пашку любил, тем более что это, пусть и маленькая, но частичка, оставшаяся ему в награду

Андрей Михайлович ЭСМОНТ родился в Омске в 1954 году. После окончания Омского танкового командного училища тридцать лет служил в различных регионах страны. Двадцать лет проработал в Бийской кадетской школе. Более пятидесяти лет занимается литературным творчеством. Издано семь поэтических и три прозаических книги.

Живет в Бийске.

от любимого человека. Но разве заберёшь такого маленького, беззащитного несмышлёныша в таёжную глухомань. Кто будет за

ним ухаживать и присматривать. Слава богу, есть добрейшей души человек на далёком Алтае. Вот подрастёт, тогда...

* * *

В пятилетнем возрасте, по настоянию отца, привезла баба Маша в таёжный уголок белобрысого голубоглазого паренька. Оставила там. Умываясь слезами, вернулась домой.

С его приездом отец воспрянул духом. Весёлым ребячьим смехом наполнился дом, светлее заиграло солнышко над макушками величественных сосен, звонче запел гремучий ручей возле кордона. Появилась надежда на яркое светлое будущее.

Всем сердцем полюбил Пашка бескрайнюю тайгу. С дурманящим запахом сосен, пихт и лесных трав, со звонкими песнями птиц и полуденных кузнечиков, жужжанием диких пчёл. С наслаждением вдыхал и слушал этот манящий неизведанностью и загадочностью дух лесной. Учился в школе-интернате за восемь километров и с нетерпением ждал выходных...

В конце недели подкатывал отцовский автомобиль с забрызганными стёклами, в нём, весело крутя хвостом, волновался и гавкал Пашкин любимец – лохматый пёс Мушкет. Стоило только открыть дверь, и собачьему счастью не было предела. Он валил Пашку наземь и лизал, радостно повизгивая.

За годы, прожитые на кордоне, Пашка научился многому. Ботанику, зоологию и основы землепользования знал не только по учебникам, но и по суровым законам жизни. Быть лесником – это не только охранять лес, бороться с лесными пожарами, защищать животных, деревья и кустарники от вредителей, но и высаживать новые саженцы.

«Вот смотри, Паша, – говорил отец, – мы с тобой сейчас высаживаем маленькие, беззащитные деревца в землю. Не все из них приживутся, не все достигнут таких размеров, как вон те сосны-великаны. Результаты нашего с тобой труда будет видно только лет через пятьдесят-семьдесят, но кто-то, проходя здесь мимо, помянет нас с тобой добрым словом».

Работа лесника не только тяжёлая, но и опасная. Стихийные бедствия, пожары, нападение хищников или вооружённых браконьеров – не перечислить всего, чего следует остерегаться. А надеяться приходится только на себя, на навыки, ловкость и знания.

Пашка любил неразговорчивого и сурового отца за доброту. Хоть лишнего слова не скажет, а стоит только заглянуть в синеву его добрых глаз, и слов не надо. Бабу Машу тоже не забывал и часто приезжал к ней на каникулах.

Настали не лучшие времена. Появился новый лесной кодекс. Наступило массовое сокращение. Не обошла беда стороной и отца. Приватизация лесных участков, сдача их в аренду обострила обстановку. Начались поджоги лесов и незаконная вырубка деревьев. Защищать лес стало некому.

Не успел Пашка ещё добраться до бабы Маши на зимние каникулы, а долетела весть о гибели отца.

Приезжие гастролёры наткнулись на медвежью берлогу в период спячки. Разбудили, разбередили

косолапого. Убить не убили, но ранили сильно. Испугавшись рас- свирепевшего зверя, запрыгнули в машину и умчались. Через два дня случай свёл вместе в кровавой и жуткой схватке голодного, ране- ного зверя, отца и Пашкиного лю- бимца Мушкета.

С зарплатой лесника злата-се- ребра за короткую жизнь, отцу за- работать не удалось. Своего ниче- го – ни дома, ни стула... машина, и та лесничества. Вот и осталось только, что на кладбище два хол- мика с деревянными крестами да добрая людская память...

* * *

Оканчивать школу при- шлось на Алтае. На пен- сию бабы Маши и Пашкину по утери кормильца жить было мож- но. На питание и всё необходимое хватало. А к роскоши Пашка был не приучен. Скучал по тайге, по прозрачному ручью с холодной ключевой водой возле кордона, по соснам-великанам. Часто вспо- минал отца и любимца Мушкета. Возвратившись со школы, остав- лял сумку с учебниками и уходил бродить по лесу. Конечно, не тай- га, запахи, и те другие, но всё рав- но чем-то близки сердцу.

Баба Маша от свалившегося на её плечи очередного горя ста- ла чахнуть. Никакие травы и ле- карства не помогали. Отлежав в районной больнице, перебралась в онкологию, а оттуда перед самым Новым годом вернулась домой. Не было уже прежней улыбающейся, кипящей энергией, неунывающей старушки.

В мутном взгляде родных глаз читались боль и усталость, без- надёжность и грусть. «Прости, Пашенька, старую бабку. У тебя забот и так хватает, а тут я, да не вовремя! Как бы дотерпеть, чтоб праздник не испортить, – шепта- ли потрескавшиеся сухие губы. – «Была б в силе, уж настряпа- ла бы чего-нибудь. Блестело бы всё, и ёлку установила». Пашка

места себе не находил, но ниче- го поделать не мог. Последнее время он старался не отходить от её кровати. Мыл посуду, стоял у плиты, добела шоркал полы. В голове вертелись тяжёлые мысли о непредсказуемом близком буду- щем... «Сейчас бы в старый омша- ник на отцовском кордоне, весь увешанный пучками душистых трав! Травку заварить, глядишь, легче стало. А здесь где взять. Да ещё в такое время года».

«Пашенька, внучок! Не сиди возле меня. Иди на свежем возду- хе погуляй до лесу. Глядишь, и на душе светлее станет. Никуда в та- ком состоянии не сбегу! Дождусь. Не волнуйся!» – прошептала баба Маша с грустной улыбкой на гу- бах, глядя на любимого внука.

Красота зимнего леса заво- раживала. Проникающий сквозь ветви сосен яркий солнечный свет слепил глаза, заставлял искриться снежные мохнатые шапки дере- вьев всеми цветами радуги. Ягоды калины, яркие, пурпурные, чуть припорошенные снежком, мани- ли соблазнительной красотой. Два снегиря весело болтали, прыгая с ветки на ветку.

Так устроен мир, несмотря ни на что, живёт своей жизнью и ра- дуется каждому солнечному лучи- ку, каждому дуновению ветерка, каждому посвисту птахи.

Три тоненькие полутораметровые сосёнки прижались и стоят в обнимку, а расти не растут. Одинаково тянут сок из земли и стремятся к солнцу. Не хочет никто из них уступку, послабление другому сделать. Потому и обречены на гибель. Если никто в спор не вмешается, так и погибнут, угнетая друг друга. А лесник бы выбрал, лучший побег оставил, а остальные удалил. Стояла бы сейчас одна сосна, но крепкая и высокая. Сбежал Пашка домой за ножовкой и мигом ошибку исправил. Вспомнились бабушкины слова, эхом в голове прозвенели – «Блестело бы всё, и ёлку установила...»

Попался Пашка с ножовкой и тоненьким деревцем на плече. Смутно вспоминалось, как везли в

* * *

После Крещенских праздников с похоронами бабы Маши помогли добрые соседи и сельская администрация. Школу Пашка окончил без троек. А вот с поступлением в лесной колледж и с армией возникли проблемы из-за штрафа за спиленное дерево. Не раз ездил в военкомат с просьбой о призыве, но безрезультатно.

«Пойми парень! Не имею права призвать, пока не разберёшься со штрафом. Характеристики со школы отличные, люди отзываются хорошо. Но ничего поделаться не могу, – успокаивал военком: – В личном деле запись стоит. Ста-

* * *

Отслужил, вернулся из армии, подал документы для поступления в лесной колледж. Пока время свободное было, рванул в родные таёжные места, могилки родителей навестить да к любимому ручью возле кордона сбежать. Купил

«уазике» в отделение милиции, как протокол составляли. Кто кого слушать будет в канун новогодний. Виновник налицо, орудие преступления тоже. «Чёрный лесоруб», пойман с поличным. Главное, вовремя. Пусть отвечает по закону. А что, – совершеннолетний! Закончит школу и в армию – пусть его там и исправляют. Вернулся домой без ножовки, с бумагой в кармане, которая душу жгла. Перед этим добежал до леса и прихватил с собой спиленную сосенку-сестричку. Виду, что произошла неприятность, не показал. А зачем бабу Машу расстраивать. Нарядил деревце игрушками. Запах хвойный по избе разошёлся, в каждый уголок просочился, и баба повеселела, обняла, расцеловала любимого внука...

тья 260 «Незаконная рубка лесных насаждений». Пока с законом отношения не наладишь – извини, брат, «Чёрный лесоруб». Так и прилипла эта кличка надолго. Заплатил бы Пашка штраф, да только где такую сумму взять! Пособия по потере кормильца никак не хватит. И на работу устроиться некуда. Подрядился шлакоблоки лить, работал день и ночь до поздней осени, да хозяин их реализовать не смог. Так и мыкался в военкомат с просьбами «Чёрным лесорубом», пока молва до администрации района не дошла... Нашлись люди добрые – помогли.

билет. Двое с половиной суток в пути, и на вокзале в Улан-Удэ. До отправления автобуса в сторону родной деревни ждать около трёх часов. Шёл Пашка по знакомому городу, с интересом поглядывая по сторонам. Навстречу попадались группы

возбуждённых людей с лозунгами «Не трогайте наш лес», «Прекратите вырубку леса», «За Байкал, за Родину». Парни громко спорили, размахивая руками. От них Пашка узнал, что только что разогнали митинг в защиту леса и о родных местах.

«Опоздал парень. Какой такой таёжный край! От тех лесов одни пеньки и остались. Какие посадки, ты о чём говоришь? Лесопитомники существуют только на словах. Никто ничего на лесоповале восстанавливать, очищать, а тем более садить и не собирается. Да и зачем? На этом капитала не заработать. Не для того участки в

аренду брали и карманы на штанах расширяли...

С тоской, с болью в сердце смотрел Пашка в окно автобуса на непривычную картину. Одно поле пеньков сменяло следующее. Посидел возле деревянных крестов на могилках родителей. Подправил как смог, в пояс поклонился и двинулся по улице в направлении кордона. Люди узнавали, здоровались. С годами Пашка стал ходить на отца всё больше и больше: и по походке, и характером, и лицом. А отца в селе помнили хорошо и поминали добрым словом. Приглашали в гости.

* * *

Кордона как такового уже и в помине не было – раскатали по брёвнышкам, растащили. Один ручей гремачий и остался как память о былых днях. Так же пел свою песню. Только песня была не радостной и звонкой, а пронзительно-грустной. Побродив по развалинам, Пашка отыскал старый закопчённый чайник и пару алюминиевых кружек. Соорудил на скорую руку шалаш из лапника и развёл костёр. В ночном небе перемигивались мириады сияющих звёзд. Не было сосен-великанов, а их волшебный хвойный запах вместе с запахом дыма от костра и заваренных в старом чайнике лесных трав плыл и плыл по низине, волнуя Пашкину душу...

От нахлынувших воспомина-

ний, от любимых, с детства знакомых запахов голова у Пашки закружилась. Виделось, что в этой тёплой ночи вокруг стоят любимые сосны, звонко и весело поёт ручей...

Казалось, что слышал хриплый голос отца: «Ненапрасно мы, Пашка, шишки зимой таскали, грели да семена собирали, складывали. Завтра утром на большой поляне начнём свой питомник закладывать. Пока ты неделю в школе был, я всё подготовил, даже бороздки наделал. Осталось торфа с гнилого болота натаскать да песок из ямы. Дело, конечно же, хлопотное, но стоящее. А вот когда из семян ростки появятся и укрепятся, рассаживать будем. Дерево в земле лишним никогда не будет»...

* * *

С первыми лучами солнца Пашка уже знал, что будет делать. Повесил над костром закопченный чайник. Умылся, обжигаясь водой из ручья. Обследовал развалины кордона. Отыскал в полузасыпанной яме, что ранее было омшаником, пару старых

ульев, ржавую лопату и полусгнившие мешки. Выбрал какие получше, вытряс и аккуратно разложил на пеньках для просушки.

Поляна издали поразила огромностью. Бескрайнее поле зелело всходами до самого горизонта.

У Пашки подкосились ноги: «Неужели вспахали и чем-то засеяли?» Бросил лопату и мешки на землю. Стремительно рванул к зеленоющим всходам. У начала поляны упал на пень, вдыхая хвойный запах. По небритым Пашкиным щекам текли слёзы радости и облегчения.

Делая очередную ходку за саженцами, Пашка устал. Но этот тяжёлый труд приносил радость и надежду на будущее. По дороге изредка проезжали машины, то гружённые до самого верха тяжёлыми брёвнами свежеспиленного леса, то возвращались назад, гремели бортами и цепями для крепления брёвен, но он на них внимания не обращал, а высаживал и высаживал саженцы с улыбкой на лице. Потрёпанный временем, запылённый автобус, стреляя в выхлопную трубу и дёргаясь как в конвульсиях, дополз до ручья и заглох. Из радиатора валил пар со свистом, как паровоз из старых фильмов. Двери «пазика» распахнулись. Из него, чертыхаясь и ворча, вывалилась ватага мужиков в расстегнутых спецовках. Умывшись и напившись из родника воды, закурили.

«Слышь, парень, а ты кто такой, чем занимаешься? Раньше что-то тебя здесь не видно было. Как кличут?» – поинтересовался один из них. Толпа подошла и с интересом принялась наблюдать

за Пашкиной работой.

Грязный, чумазый, но счастливый, он разогнул уставшую спину и улыбнулся.

«Кличут Чёрным лесорубом, а зовут Пашкой. Не видели раньше потому, что, когда я здесь жил о вас никто не слышал. Это моя родина. Здесь родился, жил, на этом месте. Там стоял дом, а вокруг него росли сосны. Теперь нет ни дома, ни сосен. Что делаю? Бор сосновый сажу, который вырастит здесь лет так через семьдесят, а может, через сто. Если, конечно же, никто не вмешается до этого с бензопилой в руках. Для чего, спросите? Для того чтобы мои и ваши внуки и правнуки дышали здесь чистым хвойным воздухом и радовались ключевой воде. Клянусь, что будет здесь бор. На горбу сюда саженцы натаскаю. Пусть год пройдёт или два, но посажу обязательно». Повернулся, взял пустые мешки и двинулся по тропинке в направлении поляны...

Уже в темноте усталый, проповетвший добрёл до шалаша. Только на секунду прилёг, и привиделись во сне мать с отцом, идут под ручку. Улыбаются. «Пашка, на людей не сердчай. Они добрые – жизнь заставляет так делать. Семьи-то кормить надо. Будет у тебя всё хорошо – бор будет обязательно. А название его...»

* * *

«Эй, Чёрный лесоруб, хорош просыпайся!» Возле шалаша гудели машины, и слышались голоса. Седой, в потёртой спецовке, мужик с хриплым голосом представился: «Иваныч я, бригадир. Вчера с мужиками посоветовались и взяли два дня отгулов, да ещё два дня выходных впереди. Решили помочь. У нас у всех дети,

и нам безразлично, как они после жить будут. Начальство упиралось, но, когда узнало для чего, выделило трактор, две машины и десять человек в помощь. Давай команду, инструктируй – ты в этом деле, видать, соображаешь. Так что, брат, не сомневайся, будет бор, а назовём его «Пашкиным»...